

ЛЕНИН В ОКТЯБРЕ

КИНОСЦЕНАРИЙ А. КАПЛЕРА

ИСКУССТВО

ДРАМАТУРГИЯ КИНО

А. КАПЛЕР

ЛЕНИН В ОКТЯБРЕ

КИНОСЦЕНАРИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИСКУССТВО“
Москва 1937 Ленинград

От автора

1. Ряд сцен литературного сценария, которые по техническим причинам не удалось включить в картину, печатаются полностью.

2. В процессе работы над картиной творческим коллективом — М. И. Ромм, Б. В. Шукиным и Н. П. Охлопковым — вносились некоторые изменения в отдельные эпизоды. Часть этих изменений внесена и в литературный сценарий.

Титр:

7 октября 1917 года в Петроград из Финляндии шел поезд.

Мчится поезд.

На паровозе Ленин и Василий.

Василий напряженно вглядывается в мокрую тьму.

Мелькнули вдали первые огоньки.

Василий наклоняется к Ильичу:

— Владимир Ильич, возьмите браунинг.

Ильич:

— Нет, не возьму. Вам партия поручила доставить меня в полной сохранности. Вот и доставляйте.

Василий:

— Отодвиньтесь от окна.

Глухо звенит колокол. Маленький петроградский пригородный полустанок Удельная.

Из здания вокзала на мокрый перрон выходит караул.

Прапорщик подходит к дежурному по станции:

— Какой поезд?

— Из Финляндии. Семьдесят пятый.

Слышен гудок паровоза.

Прапорщик поворачивается к юнкерам:

— В наряд! напоминаю, — проверять всех без исключения... Подозрительных задерживать...

Близкий гудок.

— ...Юнкер Ляховский, проверьте паровоз и тендер.

Караул рассыпается по пустому перрону.

Грохоча, подходит поезд.

Каравул бросается к площадкам.

— Ваши документы...

— Стой!..

— Граждане, не спешите, — проверка документов...

— Эй, барышня!

— Предъявите документ!

Василий отцепляет паровоз, вскакивает на подножку. Паровоз уходит.

За паровозом бегут юнкера. Свистят.

Далеко, на запасных путях, паровоз останавливается.

Ильич протягивает руку машинисту:

— Большое спасибо, товарищ.

Ленин и Василий сходят с паровоза и исчезают в темноте.

Вдали слышатся тревожные свистки юнкеров.

Многоэтажный кирпичный дом питерской окраины.

Василий и Ленин входят в подъезд.

Они поднимаются по обшарканной узкой лестнице.

Василий останавливается.

Два негромких удара кулаком. После паузы еще один. Затем звонок.

Анна Михайловна подходит к двери:

— Кто там?

— Константин Петрович, — отвечает голос, чуть картавя.

Анна Михайловна торопливо открывает дверь.

На пороге Ильич.

— Слава богу, слава богу, входите.

— Беспокоились, Анна Михайловна? Ну, здравствуйте...

Василий:

— Здравствуйте, Анна Михайловна!

Анна Михайловна:

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Василий.

Ильич снимает пальто, поворачивается к Василию:

— Помните: прежде всего свидание со Сталиным.

Он пожимает Василию руку.

— Хорошо, Владимир Ильич.

Ильич:

— Ну, куда прикажете идти?

— Прямо.

Анна Михайловна ведет его по коридору.

Василий:

— До свиданья, Анна Михайловна.

Анна Михайловна:

— До свиданья, товарищ Василий.

Титр:

Так осенней ночью семнадцатого года в Петроград из Финляндии приехал Владимир Ильич Ленин, чтобы поставить вопрос о немедленном вооруженном восстании.

Глухая улочка Выборгской стороны.

Деревянный двухэтажный дом.

Светится одно окно.

Титр:

И на следующий день состоялось его свидание со Сталиным.

У крыльца стоит Василий. Руки в карманах пальто. Время от времени поглядывает по сторонам. Прислушивается. Переходит на другую сторону, смотрит на освещенное окно. Возвращается к крыльцу.

Холодно, зябко.

Титр:

Четыре часа продолжалось свидание Ильича со Сталиным.

Василий сидит на ступеньках. Может быть, дремлет. Вздрыгнул, поднялся, глянул наверх.

Гаснет свет в окне.

Василий оглядывается — на улице пусто.

Ждет.

Два человека спускаются по лестнице и останавливаются на площадке.

Ильич кладет руки на плечи Иосифа Сталина.

— Ну...

Короткая, значительная пауза.

— ...В добрый путь!

Мужественное объятие.

Осенний ветер яростно рвет дверь в эту октябрьскую

ночь, она скрипит на петлях, стонет и хлопает. Скучный свет фонаря мечется по деревянному крыльцу.

Василий ждет.

Дверь открывается, выходит Ильич.

— Долгонько, — говорит Василий, улыбаясь, и, вдруг схватив Ильича за руку, отодвигает его в темный угол, за крыльцо, закрывает своим телом.

Мимо них, с воем, раскачиваясь, проносится по пустой улице тяжелый грузовик, набитый юнкерами. Поблескивает щетина штыков.

Машина скрывается за поворотом.

— Ну, как, Владимир Ильич? Выступаем? — жадно спрашивает Василий.

Ильич выходит на свет. Он радостно возбужден, глаза его посмеиваются.

— Вот что, товарищ Василий, — говорит он, — десятого собираем ЦК...

Они быстро пошли.

— ...Придется вам немножко поработать...

Голоса стихают. Перед нами пустое крыльцо. Далекие гудки паровозов. Доносятся откуда-то глухие выстрелы... Потом дверь открывается.

На крыльцо выходит молодой Сталин в военной шинели и фуражке.

Он оглядывается и стремительно уходит в сторону, противоположную той, куда ушел Василий с Ильичом.

Титр:

Это был Октябрь семнадцатого года, товарищи!

Улица Петрограда. С цоколя садовой решетки распинается оратор. Он говорит, эффектно размахивая шляпой, густым, осипшим от выступлений голосом:

— Граждане! не дешево нам досталась свобода! Ценой лишений, ценой голода, ценой крови завоевали мы ее!.. Война! война до победного конца...

Шум.

— Долой!

— Дайте ему говорить!

Сквозь толпу, к оратору, упорно, молча, пробивается, расталкивая всех локтями, низкорослый солдат в трепанной шинели.

— Товарищи, граждане! Война до победного конца нужна свободному народу... — продолжает оратор, стараясь перекрыть шум.

— Сам вой!

— ...Война до победного конца нужна нам, как жизнь, как воздух! — надрывается оратор, — вгрыземся зубами во вражеское тело!..

Солдат взбирается на цоколь, снимает шинель и накидывает ее на плечи оборонцу.

Оратор осекает. Толпа застыла в ожидании.

— Хватит горло драть, показывай пример, — говорит солдат и берет оратора за руку, — давай на фронт!

Взрыв восхищения.

— Правильно!

— Тащи его!

— Прямо в эшелон!..

Десятки рук хватают оратора, натягивают на него шинель, надевают на голову солдатскую папаху.

— Граждане, — отбивается оборонец, — я же не призывной!.. Я лично по возрасту не подхожу!..

— Подойдешь!..

— Мы поблажку сделаем, на возраст не посмотрим...

В руки ему всовывают солдатский котелок, деревянную ложку. Его стаскивают с решетки.

А на его месте уже стоит матрос:

— Разрешите передать привет от революционного Балт-флота! Долой войну!

Рев восторга.

Патруль на углу улицы. Офицер пропускает, молча, одного, другого, третьего прохожего и задерживает четвертого.

— Ваш документ...

Офицер внимательно всматривается в лицо прохожего и, не глядя на документ, машет рукой:

— Можете идти...

Останавливает другого:

— Предъявите документ.

Вглядывается в лицо.

— Можете идти...

Солдаты топчутся, скучают.

— Кого ищете-то? — тихо спрашивает солдата прохожий.

— А кто его знает... шпиона какого-то немецкого... Оленьина, что ли...

— Ваш документ...

Условный стук.

Анна Михайловна открывает дверь.

Василий входит к Ильичу.

— Здравствуйте, — говорит Ильич. — Ну, в котором часу ЦК?

— В одиннадцать зайду за вами... Вот — принес материалы из Петроградского комитета...

— Давайте, давайте...

Ленин просматривает, вскрывает конверты. Читает.

— Теперь вот что... завтра открывается Съезд советов Северной области. Узнайте, передано ли мое письмо фракции Съезда... (Вскрывает конверт, читает.) Дальше — узнайте, какие резолюции приняты вчера в Гельсингфорсе у балтийцев и состоялся ли митинг на Обуховском заводе, на чем решили... И то и другое мне нужно к заседанию ЦК... Затем — передайте Надежде Константиновне...

Ильич замолчал, взглянул на Василия:

— Гм... Вы когда спали в последний раз?

Василий морщит лоб, припоминает:

— Вчера.

— Вы что, батенька, выдумываете? Вчера?

— Нет, то есть не вчера, позавчера я спал!

— Спали?

— Ну, как же! Даже сон видал такой... длинный...

— Гм... даже сон видели... Вот что — даю вам задание выспаться. Сегодня же! Категорически.

— Хорошо, Владимир Ильич.

— На чем я остановился?

— Надежде Константиновне передать...

— Так... Передайте письмо — вот это, скажите, чтобы она не беспокоилась и пусть сообщит, что сделал Выборгский райком по тому вопросу, о котором я писал. Дальше — это письмо Сталину лично, это статья для «Правды» — ему же...

— Даю вам задание выспаться. Сегодня же. Категорически!

Потом вот что — достаньте мне «Единство» за четвертое. Это возможно?

— Трудно.

Ильич улыбается.

— Я не спрашиваю, трудно ли, я спрашиваю, возможно ли.

— Достану...

— Так... Последнее — вот теплое кашне, передайте Сталину. И нужно сделать это тактично.

— Понимаю...

Анна Михайловна входит, ставит перед Ильичом стакан с бесцветной жидкостью.

— Во всем городе чаю нет, — говорит она Василию, — Владимир Ильич крепкий любит, а где его возьмешь?.. Нет и нет нигде...

— Да вы не тревожьтесь, Анна Михайловна, не важно... Спасибо большое...

Ильич прихлебывает кипяток.

Анна Михайловна выходит.

— Ну, рассказывайте, что сегодня в городе, что видели?

— Да ничего... Я только в заводе и был.

— Как, ничего?.. «Ничего» не бывает никогда. Рассказывайте!

Василий мнется.

— Тогда давайте иначе, — говорит Ильич. — Вы сюда пешком или на трамвае?

— И так и эдак...

— Перевозок больших не замечали? Эвакуации не чувствуется?

— Нет, не заметно... (Василий помолчал.) Дождь был большой...

— Гм... дождь? А патрули? Их меньше в городе, чем вчера по хорошей погоде?

— Нет, больше, — удивленно отвечает Василий.

— А настроение сегодня какое?

— Владимир Ильич, ведь я один шел, ни с кем не разговаривал...

Ильич хмурится:

— Очереди большие?

— Очереди громадные. За хлебом..

Пауза.

— Ведь вы шли по улицам, — уже сердясь, говорит

Ильич, — неужели люди кругом не разговаривали? Разговоры какие-нибудь слышали?

— Не слушал я разговоры... время нет.

— Напрасно. — Ильич садится за стол, придвигает бумагу... — Поручения не забудете? Повторите.

Василий огорченно:

— Значит, так... письмо Сталину, статья — ему же, Надежде Константиновне не беспокоиться и узнать, как выборжды насчет того, что вы писали, резолюции балтийцев, и на Обуховском, и про ваше письмо Северному съезду, теплый шарф Сталину, сделать тактично, и еще «Единство» за четвертое. — Все.

— Нет, не все.

Василий встревожился:

— Что я забыл?

— Выспаться.

— Да, выспаться, Владимир Ильич...

— Вот теперь все... Ну прощайте, до вечера...

Василий, не глядя, идет к двери, большой, сумрачный, медлительный.

Ильич, прищурясь, глядит ему вслед. Потом придвигает к себе исписанные листы бумаги, углубляется в работу.

Василий возвращается. Мнетя, покашливает.

Ильич поднимает голову.

— Вот... я чего слышал... По Лесному мду, впереди солдаты идут, переговариваются. Слышу — один: а нас еще вчера отправлять хотели, нашла, говорит, дураков, за империалистов умирать... нас, говорит, на фронт, а тут свободе крышка; а другой ему: большевик, помаленьвай, а то морду набью... Ну, тот, конечно, — ах ты, соглашатель-предатель, так твою и так — это второму.

Ильич смеется:

— Не выдумали?

— Что вы, Владимир Ильич... Своими ушами...

Ильич смеется, закинув голову назад и наклонив ее к плечу, сунув пальцы рук за проймы жилета.

— Вот видите, а вы говорите — ничего... Какой части солдаты, не узнали? Жалко...

Ильич, продолжая посмеиваться, склоняется над работой.

Просняв, Василий уходит.

— До свиданья, Владимир Ильич.

— До вечера...

Титр:

10 октября состоялось заседание ЦК...

Темный дом.

На углу стоит человек. Немного поодаль — другой.

Василий выходит из подъезда. Проходит вперед, назад, как будто прогуливаясь. Оглянувшись, вынимает из гармана наган, проверяет.

Стоящий на углу подходит к Василию.

— Ну, что? — нетерпеливо спрашивает он.

— Решают...

— Что так долго?

Василий:

— Мировой вопрос решают, а тебе «долго...»

Расходятся.

Василий входит в подъезд. Поднимается по лестнице. Открывает ключом дверь. Входит в прихожую.

Здесь, среди наваленных грудой пальто, шапок, калош, сидит на сундуке пожилой усатый рабочий — третий, охраняющий ЦК.

Из комнаты слышен голос Ленина.

Он стоит, облитый ярким светом лампы, яростный, простой, великий. Огромный лоб, сверкающий взор, правая рука рассекает воздух.

Слушают Дзержинский, Свердлов, Урицкий.

Рядом с Ильичом мы видим Сталина. Молодое, смуглое лицо, вылепленное железной волей, вдохновенной силой революции, горит сейчас гневом и презрением.

— Я не вижу разницы между предложениями Троцкого и Каменева с Зиновьевым, — говорит Ильич. — Оба предложения означают ждать. Ждать ли Съезда советов, ждать ли Учредительного собрания — все равно ждать. Совершенно прав товарищ Сталин, говоря, что нам нельзя ждать, пока буржуазия задушит революцию. Предложения Троцкого и Каменева с Зиновьевым — это полный идиотизм или полная измена. Эти печальные пессимисты нас без конца здесь спрашивают — а если, если, если, если... доводы, позволяющие вспомнить изречение: один дурак может вдесятеро больше задать вопросов, чем десять мудрецов способны разрешить... Повторяю, необходимо со всей решительностью ставить вопрос о немедленном вооруженном восстании, о немедленном захвате всей власти Советами. Одновременное, внезапное и

быстрое наступление на Питер. Комбинировать наши три главные силы — флот, рабочих и войсковые части. Занять и ценой каких угодно потерь удержать телефон, телеграф, железнодорожные станции и мосты в первую очередь. Такова задача, требующая искусства и тройной смелости...

Василий закрывает дверь, быстро идет к выходу.

Бегом спускается с лестницы, встревоженный, останавливается в парадном.

По пустой улице галопом проносится отряд. Замирает стук копыт.

Посольство. В креслах гостиницы российские миллионеры, министры Временного правительства — Терещенко, Коновалов. На диване развалился слоноподобный Родзянко.

В черном сюртуке, с черной сигарой в сухих пальцах, сидит посол за своим пустынным письменным столом. Он говорит по-русски, говорит очень хорошо, но нарочно утрирует иностранный акцент.

Он играет акцентом, иногда, как бы примериваясь, делает паузу и ставит ударение на самом неудобном слове. Рядом с ним, подтянутый, нарядный, военный атташе.

— Я хочу говорить ясным языком, — говорит посол. — Россия должна иметь некоторый порядок...

— Святая правда! — ревет Родзянко, — железный кулак нужен!..

— Порядок, — невозмутимо продолжает посол, — который сделать открыто сейчас не кажется возможно. Но посмотрим народ — греки — как они не могли взять город Троя и как они сделали троянский конь, нафаршированный в середнику пехотой. Надо найти такой пустой кобыла...

— Вы хотите сказать ширму? — спрашивает миллионер Гуколов.

— Ну, ширму, ну, кобылу — в общем святая правда! — ревет Родзянко.

— ...это есть демократичные партия, — продолжает посол, как бы не слыша, — они имеют остановить беспорядок, а потом вы можете бросать свой пустой кобыла...

Терещенко, министр иностранных дел, приподнимается в кресле:

— Все это верно, господин посол, но вы не даете нам войск, и потому...

Посол поворачивается к нему и вдруг багровеет от ярости:

— И потому Временное правительство, по совету господина Родзянко, решило открыть фронт Германии... (Уничтожающий взгляд в сторону Родзянко.) ...отдать столицу, чтобы раздавить большевиков немецкими сапогами? (Посол стучит кулаком по столу.) Вам знакомо, что имеет сказать мое правительство на такое действие?... (Посол берет себя в руки.) Я хочу говорить спокойным языком. Войско с фронта мы сейчас снимать не можем. В ваших руках лежит судьба за весь цивилизованный мир...

Родзянко опускает взгляд на свои короткие мясистые руки.

— ...Вы обязаны понимать свой роль... Мое правительство (посол встает, за ним встает атташе) поручило мне оказывать любую помощь для установления железного порядка на России и продолжения войны. Я окончил.

Он садится. Садится атташе.

— Святая правда, — смущенно бормочет Родзянко, который, как известно, в это самое время подготавливал сдачу Питера немцам.

Встает Рыков:

— Вот что... Все это мы слышали десять раз: диктатура, железный кулак, железный кулак — диктатура, ну, теперь еще эта... меньшевистская пустая кобыла... Мы соглашаемся, мы даем деньги... это надоело!

— Надоело давать деньги? — раздается из угла ехидный голос. Это поручик Кирилин, длиннолицый и сухой. Он сидит в стороне.

Все обращиваются к нему.

— Нет, слушать надоело, — отвечает Рыков. — Денег не жалко. Сколько нужно? Миллион? Десять миллионов?..

— Даже сто миллионов, — наставительно вставляет посол — Пожалуйста! Отдать пол-России? Давайте! Кавказ англичанам? (Жест в сторону посла.) Ради бога! Украинцу этим... ну, известно кому!.. Пусть жрут! Мы на все согласны. Но человека дайте! Дайте человека, в которого я бы поверил! Дайте настоящего душителя! Да, да! Душителя! Вот именно — душителя, вешателя, собаку!!

Глаза Рыкова налились кровью. Он стучит кулаком по ладони.

— Вот уже святая-то правда! — гремит Родзянко.
— Где этот человек? — вдохновенно продолжает Рыков. — Где эта кровавая рука? Где этот кулак, который сломает вшивой стране хребет?..

Коновалов:

— Как считает господин посол, — с чего нужно начинать?

Терещенко:

— Прежде всего нужно разоружить заводы.

Коновалов:

— Ну, это легче всего сделать меньшевикам и эсерам.

Посол:

— Я полагал также, нужно принять некоторые меры относительно большевистских лидеров...

— Ленина убить, — ревет Родзянко, — и немедленно!

Посол:

— Я хотел говорить дипломатичным языком, но... господин Родзянко сказал свою мысль.

Атташе встает:

— Надо понимать господина посла немножко шире; большевистская партия имеет своя головка: есть Ленин, есть Сталин...

Рыков:

— Правильно, Ленин, Сталин...

Терещенко:

— Затем Свердлова...

Рыков:

— Верно.

Входит секретарь, атташе наклоняется к послу.

Посол:

— Прошу прощения. Я позволил себе пригласить некоторых представителей демократических партий...

Коновалов (Рыжову):

— Дзержинского...

Рыков:

— Хорошо. Так...

Входят представители эсеров и меньшевиков — Рутковский и Жуков.

Посол:

— Вы знакомы, господа?

Молчаливые поклоны.

Рыков:

— А Урицкого-то забыли? Эх!

Титр:

Решение о вооруженном восстании было принято, несмотря на сопротивление предателей. Заседание Центрального комитета кончилось под утро.

Из-за двери слышен голос:

— Товарищи, в военно-революционный центр по руководству вооруженным восстанием выбраны Сталин, Свердлов, Дзержинский, Урицкий...

Василий торопливо выходит на лестницу.

Сбегаёт вниз.

В переднюю выходит Дзержинский:

— Товарищи! расходиться по одному. Подождите, пока уйдет Ильич...

Кто-то сходит вниз, негромко окликает:

— Товарищ Василий!

Два силуэта в полутьме.

— Товарищ Василий, имейте в виду, без специального решения ЦК Владимир Ильич не должен выходить на улицу...

Василий:

— Хорошо, товарищ Сталин.

Сталин:

— Вы ствечаете перед партией за его жизнь.

Василий:

— Понимаю.

Сталин:

— Деньги у вас еще есть? Тепло у него? Как он питается? Старайтесь доставать все, что возможно...

К говорящим подходит Свердлов. Он достает из кармана маленький квадратный пакетик, отдает Василию, негромко говорит:

— Возьмите вот это, для него...

Василий:

— Чай?!

Сталин:

— Только осторожно, чтобы он не замечал...

Василий:

— Тактично?

Сталин:

— Вот, вот именно, тактично нужно сделать. Ленин у выходной двери.

С лестницы сбегает Дзержинский. Он снимает с себя плащ и надевает его на плечи Ильича.

— Владимир Ильич, сейчас холодно, сыро...

Ленин сопротивляется, снимает плащ.

— Нет, нет, ни за что, ни в коем случае, совершенно тепло...

Дзержинский снова накидывает плащ на его плечи:

— Считайте, что ЦК вынес специальное постановление.

Он подталкивает Ильича к двери.

Ночь. Дождь. Мелкий, бесконечный петроградский дождь.

— Придется вам переночевать у меня, Владимир Ильич, — говорит Василий, быстро шагая рядом с Ильичом, — затемно до Самсоновского не дойти...

Мокрые улицы пустыньны.

Ильич идет, распахнувшись, несмотря на дождь, не замечая его. Ветер рвет плащ с его плеч. Он идет то быстро, то вдруг поток мыслей захлестывает его с такой силой, что он замедляет шаги, почти останавливается. Потом, рывком, вымахнув рукой, ускоряет шаг, чуть не бежит. Вихрь мыслей то вырывает улыбку с его губ, то удивительное по своей значительности и яркости «гм... гм...» вдруг срывается с его уст. Его глаза то прищуриваются, то иронически улыбаются, то сверкают гневом острый и яркий взгляд.

Объятый гигантской мыслительной работой, он то хмурит огромный лоб, то шевелит губами, точно собираясь что-то сказать, но ничего не говорит и только вдруг ускоряет шаг.

Василий идет, поглядывая сверху вниз на Ильича, боясь хоть кем-нибудь нарушить это замечательное молчание.

Поручик Кириллин и Жуков медленно идут мимо бесконечной хлебной очереди.

Жуков задумчиво:

— Где же он? Скрывается в провинции?

Кириллин:

— Ближе.

Жуков:

— Или у моряков в Кронштадте?

Кириллин:

— Он здесь, в самом Петрограде, ручаюсь. Может быть, в этой очереди кто-нибудь стоит для него за хлебом...

Жуков невольно оглядывается на молчаливую неподвижную очередь.

Навстречу по пустой улице идут Ленин и Василий.

Жуков:

— Но как его найти?

Кириллин:

— Найдем...

Он подходит к Ленину.

— Дайте прикурить.

Кириллин приближает к Ильичу свое лицо.

— У меня спичек нет, — отвечает Ильич и проходит вперед.

— Пожалуйста, — Василий услужливо протягивает коробок.

Кириллин зажигает спичку, прикуривает, внимательно всматриваясь в лицо Василия.

— Благодарю вас...

Василий нагоняет Ильича.

— А вы хитрый, Владимир Ильич, — посмеиваясь, говорит он, — почему не сказали «де курящий»? Пришлось бы скартавить?

Ильич улыбается. Они поворачивают в переулок.

Маленькая комнатка освещена тусклой лампочкой. Стол накрыт газетой. На нем швейная машинка, куча белого тряпья.

— Входите, — Василий пропускает Ильича вперед. — Вот Наташа. Этот товарищ будет у нас почевать.

Ильич стоит около двери.

— Здравствуйте, простите, что причиняю хлопоты...

Наташа торопливо встает.

— Садитесь, садитесь, товарищ!..

Она снимает с кастрюли подушку, ставит на стол хлеб, поглядывая искоса на Ильича.

— Чай будете пить?

— Нет, нет, не тревожьтесь. Я не хочу. А вот, товарищ Василий, если у вас есть план Петрограда, дайте мне, пожалуйста.

Василий:

— Нет...

Ильич:

— Ну, ничего не поделаешь.

— Вот что, Наташа, — тихо говорит Василий, — ты постели-ка товарищу постель... Ему нужно выспаться.

Ильич садится за стол. Возле чайника, среди пеленок, валяется маленький башмачок.

— Ах, вот в чем дело?.. — Ильич улыбается, прищуря глаза. — Ну поздравляю, от души поздравляю, товарищи...

— Ждем сына, — говорит Василий. Он сидит напротив Ильича, подперев голову кулаками.

Наташа выпрямляется с подушкой в руках:

— Страшно очень, первый... и не время. Голодно, трудно, на четверке хлеба далеко не уедешь... да и какой он отец? тюрьмы, да ссылки...

— Гм... Погодите, скоро будет все иначе...

Ильич, откинувшись на спинку стула, прищурил веселые глаза. Вдруг повернулся к постели:

— Вы что это — мне?

Василий:

— Владимир... Константин Петрович...

Ленин:

— Вот именно — Константин Петрович ляжет на стульях. Здесь. Или прямо на полу. Не спорьте — не поможет. Слушайте, товарищ Василий, а у соседей нельзя достать план Петрограда? Да нет, поздно. Ладно, будем спать. Книги под голову. Товарищ Василий, где у вас еще книжки?

Василий передает несколько книжек.

Ильич хмыкает:

— Маловато!

Он кладет книжки на пол возле радиатора. Раскрывает одну:

— Ну нет, это под голову не годится — в ноги ее.

Ильич снимает пиджак, расстилает газеты.

Наташа:

— Василий... От Петра письмо...

Василий берет письмо:

— Это из деревни, от брата ее...

Ленин:

— Из деревни? Прочтите, если можно.

Василий читает про себя, затем громко:

— Вот... вот... «теперь мы с возвратившимися с фронта ребятами сразу взялись за дело. Скот поразобрали, Терентьевых спалили, так... только вот не знаем, можем ли сейчас брать землю или выйдет на этот счет какое распоряжение...»

— Ну, поздравляю, от души поздравляю, товарищи.

Ленин:

— Брать! брат! Напишите, чтобы отбирали.

Василий продолжает читать:

— «...И что делать с помещиками...»

Ленин:

— Выгнать. Пусть выгоняют...

Василий:

— Дальше тут... «Хотели гнать, а потом решили и всех поубивали...»

Ленин:

— Ага... ну что ж. — Очень толковое письмо...

Василий:

— Тут вот еще что... «Не видала ты Ленина? Напиши, какой он. Тут наемные поспорили — говорили, он рыжий да косой. А мы так считаем, что он громадного роста, голова-стый, представительный мужчина».

Ленин:

— Ну, ладно. Спать, спать.

Василий помогает Ильичу устроить постель на полу. Ленин наклоняется к Василию, шепчет на ухо. Нам слышны только обрывки фраз:

— Товарищ Василий, вам с завтрашнего дня придется...

Василий наклоняет голову, повторяет шепотом:

— ...Обуховский, Нарвский... оружие...

Ильич тихо:

— ...Затем... Петроградский комитет...

Василий:

— Молотову?..

Ленин:

— Да. Вот и все.

— Скажите, товарищ, — вдруг застенчиво спрашивает Наташа, — а вам не приходилось видеть Ленина?

Ильич быстро оборачивается.

— Гм... Приходилось!

— Какой он из себя?

— Ленин? Гм... Какой он из себя?

Василий:

— Ленин?

Ленин:

— Боюсь, мне придется вас разочаровать...

Василий:

— Он... он, Наташа, такой...

Ленин:

— Маленького роста.

Василий:

— Разве?

Ленин:

— Маленького роста. Несколько лысоват.

Василий:

— Да?

Ленин:

— Да, совершенно лысый. Так что совсем, совсем ничего интересного... Ну, спать. Товарищ Василий, вы мне принесите завтра карту Петрограда.

Василий:

— Обязательно.

Ленин:

— Спать, спать, спать.

Василий гасит свет, тихонько выходит на лестницу. Прислушивается, закрывает дверь, возвращается. Комната залита серым рассветом.

Василий садится, вынимает шаган и кладет на стол.

Тишина. Василий откидывается на спинку стула. Постепенно веки его начинают опускаться. Он заставляет себя переменить позу. Теперь он сидит, поставив локти на стол, положив голову на руки. Через мгновение веки снова начинают слипаться.

Василий с усилием встает, стараясь не шуметь, на цыпочках выходит в кухню и плотно закрывает за собой дверь. Он открывает край над раковиной и быстро подставляет голову под ледяную струю.

Вздогнул от холода, встряхнул головой.

Вода заливает за воротник, мокрые волосы взъерошены.

Василий возвращается в комнату.

Он опускается на корточки и долго смотрит на крепко спящего Ильича.

Пиджак повешен на спинку стула, на полу стоят ботинки.

Слышится ровное дыхание Ильича.

Он крепко спит.

Титр:

Так, на полу, укрывшись чужим плащом, после заседания, решившего судьбы человечества, спал гений пролетарской революции — Владимир Ильич Ленин.

Шум цеха.

За стеклянной перегородкой цеховой конторы сгрудились рабочие.

— Товарищи большевики! — говорит Матвеев. — Центральный комитет нашей партии... Но только, чтоб тихо, не орать!... Центральный комитет нашей партии принял решение о вооруженном восстании... Тихо!.. Вся власть Советам!

Движение. Плотно сгрудившиеся люди, еле сдерживая порыв восторга, сверкая глазами, дрожа, толкают друг друга локтями. Сияют улыбки.

— Матвеев, можно «ура»?

— Ты что, ошалел?

— Мы тихонько, Матвеев... А?.. Шопотом...

— Ну, ладно, ори, только, чтоб тихо...

Люди беззвучно, шопотом кричат «ура».

Матвеев наклонился к Василию.

— На заседании ЦК (он понижает голос) был, говоря, Ильич?

Василий:

— Откуда?.. Что ты!.. Нет, не думаю...

Матвеев:

— Товарищи, тихо! Слово имеет товарищ из Петроградского комитета.

Поднимается представитель Петроградского комитета:

— Товарищ, значит, речь я вам скажу короткую... В завкоме есть телефон?

— Есть!

— Дежурство установите. Круглые сутки.

— Блинов, Максименко, — говорит Матвеев, — берите людей, занимайте пост.

Двое рабочих выходят.

— В Смольный для связи послать отряд, — продолжает товарищ из ЦК.

— Малышкин, — говорит Матвеев, — набирай любой десяток — будешь старшим.

Малышкин выходит.

— Теперь насчет броневиков...

— Знаю, — говорит Матвеев. — Белов, Рябинин, у вас есть ребята в бронедивизионе?..

— Имеются...

— Пойдете со мной агитировать.

— Теперь перевязочный материал.

— Есть... Тимошкин!

Молодой белобрысый парень подается вперед.

— Вот что, Тимошкин, — говорит Матвеев, — пойдешь в аптеку, попросишь ваты...

— На сколько?

— «На сколько». Сколько есть — всю и бери. И бинтом тоже. И нода бутылку...

— А деньги?

— Дашь расписку, новая власть уплатит...

— А если не дадут без денег? — сомневается дотошный Тимошкин.

— А это — как попросить... Если хорошо попросить (жест кулаком), так дадут... да ты возьми кого-нибудь на подмогу...

Тимошкин (обиженно):

— Ладно, я и один.

— Теперь вопрос поважнее, — говорит представитель ПК. — У вас меньшевики и эсеры есть?

Матвеев:

— Ну, ясное дело — есть.

— Назначьте агитаторов...

К Василию сквозь толпу пробивается маленький человек в трепанной солдатской шинели — Пичугин.

— Иди в завком, — говорит он, — дюже спешно, помощник министра приехал.

— Насчет оружия, небось, — сердито говорит представитель ПК.

Василий:

— Ладно, я там с ним поговорю...

Матвеев:

— Ну, а мы здесь приготовим встречу...

В завкоме толчется много народа. У стола стоят двое. Один из них — Рутковский, второй — Жуков, высокий и нескладный, в широкополой, выдавшей виды шляпе, с путанной, кудлатой бородой.

За спиной Рутковского два офицера — адъютанты.

— Нам нужен председатель завкома.

Василий:

— Я за него.

— Мы должны поговорить, — косясь на толпящийся народ, говорит Рутковский.

Василий:

— Сядьте. Мне народ не мешает. Тайн от прслетариата не держим.

Улыбка обегает лица рабочих. Демонстративно остаются, садятся.

Рутковский поморщился, показывает на спутника:

— Это представитель ЦИК.

Спутник протягивает руку Василию:

— Жуков, — слегка заикаясь, как бы с усилием, говорит он.

Рутковский:

— Говорят, что у ваших рабочих есть оружие. Это верно?

Василий:

— Что-то как будто есть.

Рутковский:

— Этим «что-то как будто», по нашим сведениям, можно вооружить два батальона солдат. Правильно?..

Василий:

— Разве два?.. Впрочем, не знаю, не считал. Оружие у нас частное, у каждого свое.

Рутковский (безапелляционно):

— Это оружие должно быть сдано для нужд фронта.

Жуков:

— Для защиты демократической республики...

Василий скребет затылок:

— Такое дело... Ну, что ж, надо с ребятами посоветоваться. Это я мигом.

Рутковский:

— Даю вам полчаса.

Василий:

— Куда столько! Я мигом!

Он выходит из завкома, и вслед за ним гурьбой высыпают рабочие.

В завкоме остаются Рутковский, Жуков и адъютанты.

Снизу, по железной лестнице, поднимаются трое рабочих с винтовками. Они направляются к телефону.

— Посторонитесь, гражданин, — вежливо говорит один из них адъютанту.

Рабочие с винтовками становятся по обе стороны телефона.

Титр:

Прошло полчаса.

Адъютанты в случающихся позах стоят у стены.
Возле телефона застыли дежурные. Жуков смотрит на часы:

— Полчаса прошло...

Рутковский закуривает папиросу, меняет позу.

Титр:

Прошло еще полчаса.

Жуков:

— Еще полчаса прошло.

Рутковский бросает папиросу, резко встает.

— Вызвать охрану, — бросает он адъютанту и выходит из завкома вместе с Жуковым.

Адъютант направляется к телефону.

— Виноват, гражданин, — останавливает его рабочий с наганом, — к телефону подходить нельзя... Вам охрану для гражданина помощника министра? Это можно... (Снимает трубку.) Проходную!.. Проходная? Говорит Блинов. Тут у ворот стоят юнкера?.. А?.. Сколько?.. Ну, пропусти их.. Пропусти, пусть проходят.. Пусть идут...

Вешает трубку.

Цех завода. Почти у всех рабочих оружие. У кого винтовка поставлена к стенке за станком, у кого прислонена к инструментальному ящику. У некоторых надета через плечо, на ремне. У многих на поясах подсумки.

— Идут! — кричит кто-то.

В воротах цеха появляются Рутковский и Жуков в сопровождении адъютантов.

Над тисками склонился Василий. Пилит. Взбешенный Рутковский останавливается возле него:

— Вы что, издеваетесь над нами?

Василий:

— Да что вы, граждане!

Рутковский:

— Вы говорили с рабочими?

Василий:

— Говорил.

Рутковский:

— Ну?

Василий:

— Они говорят — нету у нас никакого оружия.

Рутковский:

— То есть как нет? А это что?

Показывает на цех, на торчащие из-за станков стволы винтовок.

Василий (открыто издевается):

— То-то и есть, и я им говорю — «Ребята, а это что?» Да разве есть у них совесть? Это, говорят, наша частная собственность — до тебя не касается, как бы порты или пиджак...

Жуков:

— Вы понимаете, товарищ, что значит отказ сдать оружие?

Рутковский:

— Товарищ Жуков, он прекрасно все понимает.

Рутковский поворачивается к рабочим, кричит:

— Товарищи! Здесь есть эсеры?

Цех молчит.

Жуков:

— Или меньшевики?

Цех молчит.

— Ну, чего молчите? — откликается молодой рабочий. Есть у нас такой народ... и эсеры и меньшевики. Пойдем, покажу...

Он проходит по цеху и останавливается возле старика-токаря:

— Земляки пришли.

Рутковский подходит к старику вместе с Жуковым и адъютантом:

— Вы член партии социалистов-революционеров?

Старик аккуратно останавливает станок, вытирает руки, поправляет очки.

— Записывался, — неохотно отвечает он.

— Я — Рутковский... Как сознательный член партии социалистов-революционеров, вы должны подать вашим товарищам пример. Винтовка вам сейчас не нужна. Она нужна фронту, я предлагаю вам... я прошу вас — сдать винтовку.

Старик молчит.

Рутковский (как можно мягче):

— Ну, скажите, зачем вам винтовка? Ну, зачем?

Старик (с мрачной неопределенностью):

— Пригодится...

Рутковский, сдерживаясь:

— Вы Временному правительству подчиняетесь?

Старик:

— Временному правительству? (Оглядывается Рутковско-го.) — Прошу прощения не так, чтоб очень...

Жуков, внезапно продвигаясь между Рутковским и стариком:

— Но Центральному исполнительному комитету вы подчиняетесь?

Старик:

— То есть вам?

Жуков:

— Да...

Старик:

— Нет...

Рутковский:

— Что ж, выходит, вы никому не подчиняетесь?

Старик:

— Почему не подчиняемся? Кому надо, тому подчиняемся.

Рутковский:

— Но кому?.. Кому вы подчиняетесь?

Старик молчит.

Рутковский:

— Я вас спрашиваю. Кому конкретно?

Старик, вдруг решившись:

— Вот что... катись ты отсюда! Чего привязался? Ребята, чего он ко мне пристал?

Рутковский в бешенстве:

— Господин поручик, возьмите винтовку.

Поручик делает шаг вперед и берет винтовку. Старик с неожиданной яростью толкает его в грудь; поручик летит через проход и падает.

Рутковский:

— Сигнал!

Второй адъютант свистит. В цех входит отряд юнкеров.

Рутковский:

— Изъять все оружие.

Офицер подносит руку к козырьку, но неожиданно Матвеев берет его руку и опускает вниз:

— Тихо, товарищи, тихо...

Матвеев подает знак.

Пронзительный вой сирены.

Мгновенно со всех сторон поднимаются вооруженные рабочие. Грозный гул прокатывается по цеху. В ворота вбегает еще народ. Окружают отряд юнкеров.

Матвеев:

— Вот что, гражданин временное правительство. С оружием в цех входить нельзя. И вообще, посторонним здесь быть воспрещается... Народ у нас горячий, работа нервная, могут зашибить вас... досмерти... так что... вы бы вышли отсюда...

Рутковский несколько секунд стоит молча, потом, оглянувшись и оценив соотношение сил, резко поворачивается и идет к выходу.

— Шагом марш! — торопливо и вполголоса командует адъютант, оглядываясь на Матвеева.

Юнкера уходят вслед за Рутковским.

Едва уходят они, как весь цех начинает хохотать.

Хохочет Матвеев, хохочет Василий, хохочет старик. Громовой хохот сотрясает цех, отдается под перекрытиями и покрывает все заводские шумы.

Смеется Ильич.

— Так и ушли?

— Так и выкатились, — смеясь, отвечает Василий.

— Гм... очень хорошо... Очень, очень хорошо... Кто был от Петроградского комитета?

— Громов...

Ильич потирает руки.

— Отлично. Чаю не хотите? (Ильич размешивает крепкий чай.) Напрасно. Посмотрите, какой у нас прекрасный чай... Где только Анна Михайловна его раздобыла. Чудеса!.. Карту давайте. Карту Питера принесли?

Ильич быстро разворачивает карту.

— Владимир Ильич... Подозрительное дело...

— Что?

— Карту-то едва достал. Последняя. Приказчик говорит — сегодня пятьдесят штук продал. Я эту прямо из-под носа у одного дядьки выхватил.

Ильич:

— Наш «дядька»?

Василий:

— Вот именно, что нет... очень подозрительно.

Ильич:

— Гм... гм... понимаю...

Василий:

— Тоже готовятся, значит...

Ильич быстро проходит по комнате раз, другой, потом, улыбнувшись, останавливается перед Василием:

— А глаза у вас стали острые... Раньше бы, небось, сказали, «ничего интересного».

Василий просиял.

— Так, так и надо, товарищ Василий. Теперь вся Россия стала...

И Ленин делает жест сжатыми кулаками — вот как сейчас столкнулись лбами два лагеря в стране, расколовшейся в громе классовых битв.

— Все идет правильно. Неясно мне только одно — когда вы будете спать?

Василий смеется:

— Ну, сегодня, Владимир Ильич.

Ленин:

— Да, а на Путиловский в ночную смену кто мне обещал зайти?

Василий:

— Сегодня же зайду, Владимир Ильич, как обещал.

— Что ж, вы, батенька, меня обманываете. Как же вы ночью будете спать?

Василий молчит.

— Вот что, — говорит Ильич, — идите-ка спать сейчас в соседнюю комнату. И спите два... нет — два с половиной часа.

— Боюсь, не успею с поручениями...

— Успеете, успеете...

Ильич решительно подталкивает Василия к двери, выводит в коридор, открывает дверь соседней комнаты.

— Вот здесь... два с половиной часа. (Ильич вынимает часы.) Я посижу...

Ильич возвращается к себе. Подходит к столу, склоняется над картой.

Дверь приотворяется. Василий тихонько берет свою шапку.

Он останавливается в дверях, глядя на Ленина. Потом, осторожно ступая, уходит.

Ильич работает над картой Петрограда. Твердыми и стремительными движениями карандаша он пишет, чертит, штрихует. Склонившись над городом, распростертым перед ним на столе, он иногда задумывается, низко опуская над картой огромный лоб.

— Товарищ Василий, вы спите? — спрашивает он.

Ответа нет.

— Спит...

В кабинете Рутковского собралось несколько человек. Трех мы знаем. Это Рутковский, Жуков и Кирилин. Остальные — деятели эсеровско-меньшевистского типа. Тощий Карнаухов ходит взад-вперед, заложив руки за спину:

— М-да... Пренеприятная история...

Жуков вскакивает с дивана:

— Я отказываюсь. Это... это нечистоплотно... Это, наконец, позорно для революционеров... Вступать в связь с таким типом.

Кирилин усмехается, нетерпеливо кусает губы.

Звонит телефона.

— Подождите, — морщась говорит Рутковский Жукову и снимает трубку.

— Слушаю... Да, я...

— Нет, нет, это не для меня, — продолжает бормотать Жуков. — Филер... Какое падение!..

— Молчите! — вдруг кричит Рутковский, ударя кулаком по столу. — Вы мне мешаете слушать!

Жуков садится.

— Так, — говорит взволнованно Рутковский. — Дальше... понимаю... спасибо, так, до свиданья.

Он встает, оглядывает присутствующих.

— Поздравляю. Звонили из «Новой жизни». Завтра статья Каменева. Он от своего имени и от имени Зиновьева сообщает, что ЦК большевиков принял секретное решение о вооруженном восстании. Дождались?

— Чорт возьми!..

— Долиберальничались...

Рутковский решительно подходит к Кирилину:

— Николай Николаевич, попросите этого субъекта...

Кирилин выходит.

В передней ожидает Филер.

— Войди, — говорит ему Кирилин.

Филер входит:

— Желаю здравствовать...

Рутковский (не глядя на него):

— Здравствуйте.

Он протягивает руку. Филер быстро хватается за нее, пожимает.

Рутковский незаметно вынимает носовой платок и вытирает руку под столом. Потом бросает платок в корзину для бумаг.

Филер начинает обходить всех, нарочно здороваясь за руку.

Господа с отвращением жмут потную руку.

Филер подходит к столу и останавливается в выжидательной позе.

— Садитесь, — говорит Рутковский.

— Благодарствую.

Филер садится. Пауза.

Рутковский:

— Как вас... Как ваша фамилия?

Филер усмехается:

— Фамилия. Ну, называйте просто Филимоновым.

Рутковский:

— Вам известно, зачем вас пригласили. Так что особенно затягивать беседу смысла не имеет.

Филер:

— Извольте-с... мне, собственно, желательно только получить от вас подробные сведения об интересующей вас личности. Так сказать, для успеха дела...

Всем противно. Курят, ходят, сидят, не глядя друг на друга.

Рутковский:

— Видите ли... Наружность у него самая обыкновенная... таких много... Ну, роста он среднего, ниже среднего... несколько коренастый, рыжеватые волосы.

Жуков (не глядя):

— Лысина.

Рутковский изумленно взглядывает на него, потом, ухмыльнувшись, продолжает:

— Да, лысина, глаза (вспоминает)... карие... светлокарие...

большой лоб... да, огромный лоб... очень подвижное лицо... прищуривается.

Жуков (отвернувшись):

— Картавит...

Рутковский:

— Да, довольно мило картавит...

Филер (быстро):

— Не из евреев?

— Рутковский (с досадой):

— Нет.

Карнаухов морщится.

Рутковский:

— Одевается просто.

Жуков (глядя в окно):

— Носки ботинок загибаются кверху.

Рутковский:

— Что вы! Вот никогда не замечал!

Карнаухов:

— Ну, ему лучше знать, — рядом жили в эмиграции.

Жуков:

— Оставьте мою эмиграцию в покое...

Филер (скромно кашлянув):

— Уши какие, не изволили заметить?

Рутковский:

— Уши... Не знаю... обычные уши... (Короткая пауза.)

Счень подвижен, ни минуты не остается спокойным...

Жуков:

— Любит делать так (закладывает большие пальцы за проймы жилета).

Филер (вскочил):

— Ульянов, Владимир Ильич Ленин?

Рутковский:

— Да.

Филер:

— Как же, как же, приходилось... еще бы!..

Рутковский:

— Ну ладно, об условиях с вами сговорятся (жест в сторону Кирилина)... действуйте...

Филер встает:

— Счастливо оставаться.

Никто не протягивает ему руки.

Филер отходит от стола, возвращается, мнется. Ухмыляясь, говорит Рутковскому:

— А я ведь вас знаю, Александр Иванович...

Рутковский недоуменно на него смотрит.

— Извольте вспомнить, когда в девятьсот шестом году вас из Петербурга выслали... Это я-с... Моя работа... Не предполагал, что такая почтенная личность... Прошу прощения...

Рутковский (не глядя):

— Ладно, идите...

Филер с Кирилиным выходят в переднюю.

Филер:

— Брезгуют...

Кирилин (грубо):

— Иди, иди...

Они уходят. Хлопает дверь.

Условный стук. Анна Михайловна подходит к двери.

— Кто там?

— К Константину Петровичу.

Василий входит в переднюю.

— Здравствуйте. Вот принес сухарики. Возьмите.

Анна Михайловна:

— Хорошо. А то у нас к чаю ничего нет.

Василий идет в комнату Ильича.

— Давайте, давайте... Здравствуйте, товарищ Василий.

Ильич берет у Василия газеты.

— Садитесь. «Единство», «День», «Русские ведомости», «Рабочий путь», «Вечернее время», «Биржевые ведомости», «Новая жизнь». А где же «Маленькая газета»? Почему не принесли?

— Это хулиганская газета. Я думал, вам ее не надо.

Ильич, прищурясь, смотрит на Василия:

— Я не знаю, как вам. А мне надо. Врагов нужно знать. Принесите завтра.

Василий:

— Хорошо.

Ильич читает газету, поставив ногу на стул. Он проглядывает лист целиком и, опираясь локтем о стол, читает.

Потрескивают дрова в печурке.

Василий прислонился к стене. Не в силах бороться с усталостью, разморенный теплом, он закрывает воспаленные бессонницей глаза.

— Слушайте, вы опять не спали? И вообще, вы опять...

Василий:

— Владимир Ильич, вы же сами не спите.

Ленин:

— Я говорю про вас... так нельзя, товарищ Василий. Вы меня прошлый раз обманули. Ведь обманули?

Василий:

— Сегодня выплещусь.

Ленин:

— Сегодня... гм... да... вот как раз сегодня-то и не придется. Ну, ничего, товарищ Василий, скоро мы возьмем власть и тогда...

Василий:

— Тогда уж мы...

Ленин:

— Да, тогда тем более не придется спать.

Василий смеется.

Ильич разворачивает одну газету за другой, то и дело слышится характерное «гм... гм...» в бесконечной гамме оттенков — то это осторожность сомнения, то язвительная ирония, то тревога, то удовлетворенность.

Вдруг Ильич застывает над газетным листом:

— Какая подлость!..

Ильич стоит, низко склонившись над столом. Еще раз пробегает глазами по строчкам. Потом выпрямляется.

— Какая безмерная подлость!.. Где же граница бесстыдству!

Василий с тревогой смотрит на Ленина.

Быстро отойдя от стола, Ильич проходит по комнате.

Охваченный беспокойством, Василий идет к столу. Перед ним «Новая жизнь»:

«Ю. Каменев о выступлении... вооруженное восстание обречено на поражение... губительные последствия — шаг отчаяния.»

— Вот полюбуйтесь, товарищ Василий, как эти святоши, эти политические проститутки нас предали. Предали партию, выдали планы ЦК!

Лицо Ильича изменилось внезапно, точно прошло много часов, может быть, годы.

— Бандиты!..

Ярость обострила черты, сжала губы, потушила улыбку в глазах, зажгла их другим, грозным пламенем. Между бро-

вьями, на сократовском лбу — ярость прорезала глубокую складку.

— Товарищ Василий, не теряйте ни одной минуты. Бегите к Сталину и к Свердлову, скажите им, что мне нужно их видеть. Немедленно. Сейчас же. Идите.

Ильич резко отбрасывает газету, садится писать...

«Письмо к членам партии большевиков.»

Он подчеркивает заголовок.

— Низкая, подлая измена... — гневно шепчет Ильич. Перо его бежит по бумаге.

Номер «Новой жизни», аккуратно раскрытый на той же заметке Каменева, лежит на другом — огромном и пышном — письменном столе.

Непрерывно разными голосами трещат телефоны.

Командующий округом держит трубку:

— Нет у меня охраны... Неоткуда взять. Ничего не могу сделать...

За спиной его стоит адъютант.

В кабинет командующего один за другим входят члены Временного правительства. У многих в руках номера «Новой жизни».

Малянтович складывает газету, обращается к соседу:

— Читали?

— Читал.

Малянтович (второму министру):

— Читали?

— Читал, — зло отвечает сосед.

— Читали? — спрашивает он третьего, — читайте, читайте!

— Ну, что я могу сделать, господин Рыжов, — брюзгливо говорит командующий в трубку. — Нет у меня охраны... Неоткуда, неоткуда взять... Я не комендант города, я командующий округом. Что?.. Конечно, читал!.. Нет, нет, ничего не могу сделать, нет у меня охраны, до свиданья.

Он кладет трубку, ворчит:

— С ума все пошло, всем давай охрану от большевиков... я даже вот (широкий жест обеими руками) министров охранить не знаю как...

— Н-да, — неопределенно мычит Терещенко.

Министры уже расселись: Коновалов, Терещенко, Кишкин,

Малянтович, Некрасов, Маслов, Прокопович, адмирал Вердеревский. Отдельно, в углу, сидит Рутковский.

В комнату быстрыми шагами входит Керенский. Ни на кого не глядя, он проходит к столу, без паузы, с размаху садится, сразу закрывает глаза.

— Прекратите звонки, — говорит адъютанту командующий, поворачивается к министрам и складывает большие руки на столе.

— Я к вашим услугам, господа.

У Керенского вид человека, не спавшего много ночей. Серое лицо. Он открывает глаза и оглядывает присутствующих, как будто спрашивает: «Зачем я здесь?»

— Кому угодно начать?

Коновалов:

— Я хотел бы задать вопрос командующему. Разрешите? Керенский молча наклоняет голову.

— Когда вы ожидаете части, вызванные с фронта?

— Двадцать шестого к утру.

— Вы уверены? Какие это части?

Командующий пожимает плечами:

— Это очень хорошие части.

Кишкин:

— Разрешите?

Керенский снова молча наклоняет голову.

— Какими силами вы собираетесь охранять Зимний?

Командующий:

— Вызываю две петергофские школы прапорщиков. Вызваны броневики.

— Позвольте мне, Александр Федорович, — говорит, приподнимаясь Рутковский.

На этот раз Керенский не наклоняет голову. Помолчав, он начинает говорить сам:

— Сегодня утром я вышел из дворца... Я сел в автомобиль, как всегда, на свое место с правой стороны заднего сиденья, в своем полубоевом костюме, к которому так привыкло население и войска...

Рутковский переглядывается с Коноваловым.

Командующий, обменивается значительными взглядами с начальником штаба.

Керенский:

— ... Конечно, вся улица, прохожие и войска узнали меня. Военные вытягивались, я отдавал честь; как всегда, немного

небрежно, слегка улыбаясь... Нет! (Он встает.) Не верю, не верю!.. нужно кликнуть ключ... нужно бросить в толпу лозунги!

— Позвольте, Александр Федорович, высказаться, — настойчиво говорит Рутковский.

Керенский сразу потух, он опускается в кресло, снова закрывает глаза и молча наклоняет голову.

Рутковский:

— Господин командующий, я полагаю, что мы должны быть очень благодарны Льву Борисовичу Каменеву за его предупреждение и не оценить его просто не имеем права. Господа, я предлагаю следующее... Первое — кроме офицерства, юнкеров и казачьих частей, немедленно вооружить в городе всех, на кого мы еще можем положиться, то есть чиновников, банковских служащих, студенческие отряды. Второе — немедленно отрезать центр от рабочих окраин, для чего развести мосты, поставить на набережных артиллерию. Наконец, третье и самое главное, — не ожидая выступления большевиков, разгромить их в их же собственной крепости, то есть взять Смольный институт, и не позднее двадцать шестого числа сего месяца. Если этого не сделаете вы, то это же самое сделают другие...

Керенский внезапно встает. Глаза его горят решимостью.

— Да. Я согласен, — он закладывает руку за борт френча. — Двадцать шестого верные Временному правительству войска будут здесь. Я вызову казаков Краснова... Господин адъютант, соедините меня со ставкой... Господин командующий, я приказываю вам немедленно вооружить здесь, в столице, всех, кто идет за мной... Я отрежу центр от окраин. Двадцать шестого октября я разгромяю Смольный институт и уничтожу большевизм физически... Павел Николаевич, а почему до сих пор не пойман Ленин?

Малянтович разводит руками:

— Ищем...

Застекленная цеховая контора набита доотказа. Знакомые лица заводских большевиков. У всех винтовки, некоторые опоясаны пулеметными лентами. Василий читает отпечатанный на машинке листок:

«...Можно ли представить себе поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?.. Я бы считал позором для

себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед Съездом буду бороться за исключение обоих из партии...»

Движение.

В контору втискивается Тимошкин.

— Тише!.. Ленина письмо!..

«...Пусть господа Зиновьев и Каменев, — читает Василий, — основывают свою партию с десятками растерявшихся людей или кандидатов в Учредительное собрание. Рабочие в такую партию не пойдут...»

Кропштадт. Военный корабль.

Матрос стоит на баке. В руках у него газета «Рабочий путь». Он читает «Письмо к товарищам».

Напряженным черным кольцом сомкнулись кругом бушлаты. Матрос читает медленно, точно вырубая из камня каждое слово:

«Нет силы на свете, кроме силы победоносной пролетарской революции, чтобы вместо жалоб и просьб и слез перейти к революционному делу. И, чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем дольше отсрочат ее события или колебания колеблющихся и растерявшихся, тем больше жертв она будет стоить...»

Ветер рвет газету из рук матроса.

«Промедление в восстании смерти подобно».

Ветер Балтики разносит слова Ленина.

Фронт. Кононада.

Грязный, обжитый окоп. В грязи и воде стоят и сидят солдаты. Один держит в руках мокрый, рванный, захваченный листок «Рабочего пути».

Пронзительный вой снаряда, разрыв. Потом вдруг наступает тишина, и в этой тишине, на фоне далекой глухой канонады, мы слышим голос солдата:

«...Либо сложить ненужные руки на пустой груди и ждать, клянясь «верой» в Учредительное собрание, пока Родзянко и К° сдадут Питер и задушат революцию, либо восстание. Срединны нет...»

Разрыв. Комья грязи летят в окоп.

Еще разрыв. Еще и еще.

Ближе придвигаются люди, жадно ловят каждое слово.

Солдат кричит, он старается перекрыть гул орудий, он кричит ленинские слова среди грохота, свиста и воя:

«...Мы не вправе ждать, пока буржуазия задушит революцию»...

Титр:

«...Мы не вправе ждать, пока буржуазия задушит революцию. Ленин.»

Телеграфная. Аппарат Морзе.

Офицер диктует:

— Командующему Третьим кавкорпусом генерал-майору Краснову. Приказываю немедленно эшелонами и походным порядком выслать дополнительно в Петроград казачью дивизию в мое распоряжение. Точка. Главверх Керенский... Ставка. Командующему Севзапфронтом...

Громыкает по мостовой артиллерия. Лошади рысью везут орудия.

Из ворот арсенала выезжает машина, доверху нагруженная винтовками.

Во дворе множество народу, грузовики, мотоциклы, подводы, военные тачанки.

Офицер выкликает:

— От студенческого мотоциклетного отряда есть тут?

— Я, Дранкин.

— Командир? Покажите наряд... Получайте — двадцать наганов, триста патронов.

— Гражданин комендант, вот наш наряд — союзу банковских служащих — сто револьверов, патронов три тысячи...

— Проходите, получайте внизу...

Непрерывно сигнала, во двор въезжают грузовики с юнкерами.

— Казачья дивизия, говорят, с фронта прибыла... — слышится в толпе.

Кто остался?... — разглагольствует человек с черной бородкой, в толстом драповом пальто. — Кто может нас защи-

тить? В настоящее время я спрошу — где герои войны? Где Иванов? Он выгнан. Где Плешков? Он выгнан. Где Колчак? Он выгнан. Где граф Келлер? Он убит. Некому твердой рукой задушить большевистскую заразу!

— Не беспокойтесь, — значительно говорит ему студент, несущий в охапке винтовки. — Подождите до послезавтра!..

Двор бронедивизиона.

Возле шофера стоит унтер-офицер.

Рядом с ним старший шофер Григорий Тимофеев.

Вокруг собрались солдаты.

Шофер дергает ручку. Чиханье. Выхлоп.

Из группы солдат подают советы:

— А ты бы в карбюратор воды подлил, может, там воды мало.

— Коробку скоростей сними, может, легче пойдет...

Шофер дергает ручку.

Чиханье. Выхлоп.

Шофер поднимается, перепачканный, мокрый:

— Ничего не сделаю, господин унтер-офицер, — искра длинна.

В группе солдат кто-то, не сдержавшись, фыркает.

— Я ее и так и эдак, — продолжает шофер, — не укоротишь, длинна искра...

Унтер начинает кричать:

— Ты что дурака валяешь?.. Я поручику Кирилину скажу — он тебе покажет искру... Под расстрел, гад, захотел?

— Ну, что вы, господин унтер-офицер, вы сами поглядите — в пол-аршина искра — вот послушайте...

Дернул ручку.

Чиханье. Оглушительный выхлоп.

Унтер беспомощно смотрит на Тимофеева.

— Действительно, — с невозмутимым видом говорит Григорий, — искра длинна, капитальный ремонт нужен.

Унтер плюет, переходит к следующему броневнику.

— У тебя что такое?

— Три колеса правильно идут — вперед, а четвертое назад... хоть лопни, назад идет... Причина неизвестна.

— Ты что, ошалел? Ты что мне заливаешь?

— Ей-богу, правда, господин унтер-офицер, поглядите сами!

Быстро заводит мотор, влезает в машину. Броневи́к начинает дрожать, раздается адский шум, из-под машины валит черный дым. Она дрожит и подпрыгивает, чуть подвигается вперед, затем начинает ползти назад.

Солдаты стоят вокруг машины, багровые от сдерживаемого смеха.

Сзади, за броневи́ками, к группе солдат подходит Матвеев.

— Готовы?

— Готовы, — отвечает солдат.

— Сегодня, — значительно говорит Матвеев.

— В порядке.

Броневи́к все еще дрожит, прыгает и пускает клубы дыма перед взбешенным унтером.

— Под расстрел все пойдете, сукины дети! — кричит он.

Из двери штаба выходит поручик Кирилин. Унтер бежит за ним следом:

— Господин поручик, дозво́льте объяснить. Я с ними ничего не могу сделать. Все время обещаю́т и все время обманывают.

Кирилин неожиданно сталкивается с Матвеевым, окруженным солдатами.

Кирилин:

— Что за собрание? Почему посторонние в дивизионе?

Солдат:

— Это, господин поручик, к нам земляк приехал.

Кирилин:

— Земляк... Посторонних из дивизиона убрать. Климчуку пять суток. Ерофеева под суд. Ремонт закончить в двадцать четыре часа...

Уходит.

— Ничего, через два часа все пойдут, да не туда куда тебе надо... — говорит ему вслед солдат.

В завкоме раздают оружие, записывают в отряд.

Звонит телефон. Дежурный снимает трубку:

— Завком слушает (записывает телефонограмму)... Так... понятно... Ну и правильно... Блинов принял (просматривает телефонограмму)... Матвеев.

Матвеев подходит.

— Вот, — тихо говорит дежурный, — из Военно-революционного комитета... Быть наготове.

Матвеев хватает телефонограмму. Жадными глазами пробега́ет по строчкам. Поднимает изменившееся вдруг лицо. Счастливое волнение молодит его суровые черты.

Он быстро выходит.

— Литейщики. Строиться у выходной... Механический, валяка строиться, — слышится его голос.

Завком быстро пустеет.

К подъезду дома Анны Михайловны подходят двое.

— Останься здесь, — говорит филер Филимонов спутнику в котелке и входит в парадное.

Филер медленно поднимается по лестнице. На каждой площадке по четыре двери.

Титр:

Который этаж?

Третий, четвертый этаж. Дальше — лестница на чердак.

Филер останавливается на чердачной площадке. Облокотясь на перила, смотрит вниз, приготовившись ждать.

Ильич сидит, склонившись над столом. Он стремительно пишет, изредка прихлебывая чай. Стук в дверь.

Ильич встает и идет в переднюю.

Стук повторяется.

Нет, это не условный стук

Постояв возле двери, Ильич на цыпочках возвращается к себе в комнату.

После паузы стук возобновляется.

Теперь он уже очень громкий.

Ленин одевает пиджак, подходит к окну.

Сейчас стучат уже непрерывно, вероятно, обеими руками и носком сапога.

За окном совсем стемнело. Тускло поблескивает вода болота. Протяжно гудит паровоз. Железнодорожная насыпь едва видна на потухающем небе.

Ильич открывает окно.

На площадке сосед Анны Михайловны, без пиджака, в по-

мочах. Он изо всех сил барабанит в дверь. Из смежных квартир выглядывают любопытные и испуганные лица.

По лестнице быстро поднимается Анна Михайловна:

— Что вам надо?

— Мадам, — возбужденно говорит ей человек в помочах, — у вас в квартире кто-то есть...

— В чем дело?

— Понимаете, стучу — не открывают. А за дверью шаги.

Кто-то ходит...

Филер, свесившись через перила, прислушивается.

— Что вы скандалите, — сердито говорит Анна Михайловна. — Что вам надо?

— Кто-то ходит...

— А что вам надо?

— Примус мне надо... примус хотел попросить.

— Нет у меня примуса. Уходите.

Анна Михайловна решительно отодвигает его от двери.

— Очень странно, мадам. Я же у вас брал...

Он спускается вниз, бормоча:

— Поселились тут... ходят...

Шаги его и голос замирают внизу.

Анна Михайловна нарочито долго возится с ключом.

Филер внимательно наблюдает за ней сверху.

Она открывает дверь и, оглянувшись, входит в квартиру.

Филер быстро спускается к двери и, приложив ухо к замочной скважине, слушает.

Глухо доносятся голоса.

Филер выбегает на улицу:

— Поди сюда. Квартира четыре. Смотри, никого не выпускай! — говорит он человеку в котелке и опрометью бросается бежать.

К дому Анны Михайловны быстро идет Василий.

Котелок прячется.

Оглянувшись, Василий входит в парадное.

— Подумайте, собрался уходить. Ведь его убьют... Как хорошо, что вы пришли! — встречает Васяня Анна Михайловна.

Ильич стремительно открывает дверь своей комнаты:

— Товарищ Василий, скорей заходите... Что в городе? Откуда вы?

Василий:

— Правительство отдало распоряжение разводить мосты...

— Так! Почуяли!.. — Ильич быстро ходит по коридору. — Названия нет предательству этих подлецов. Товарищ Василий, сейчас же ведите меня в Смольный.

Василий:

— Опасно, Владимир Ильич.

Анна Михайловна (стоит в дверях):

— Вы подумайте, товарищ Василий. Он не хочет ждать. Ведь за ним пришлют отряд. Для него приготовлен пропуск в Смольный... Как же можно без всего этого?..

Ленин:

— Что у заводов? У казарм? Выступают?

Василий:

— Да, настроение боевое...

Ленин:

— Вот видите. Идемте, идемте скорей...

Василий (твердо):

— Не пойду и вас не пущу. Подождем отряд.

Ильич вскипел:

— Вы с ума сошли?! Я должен идти сейчас же... (Он подходит вплотную к Василию.) Восстание сегодня. Вы не знали? Так знайте — восстание мы назначили на сегодня!

Василий:

— Владимир Ильич, я отвечаю за вашу жизнь перед ЦК. Подождем отряд... Хоть полчаса...

Ильич смотрит на Василия, потом машет рукой:

— Пожалуйста.

Он стремительно входит в комнату и, не снимая пальто и кепки, берет стул, ставит его посреди комнаты и садится:

— Извольте, буду ждать.

Василий:

— Полчаса.

Ильич:

— Пятнадцать минут.

Двор бронедивизиона.

В грузовую машину, торопясь, влезают юнкера:

— Давай, давай! Скорее! — покрикивает старший юнкер.

Около грузовика стоит филер.

С лестницы штаба, запахивая шинель, сбегает Кирилин.

— Поехали! — кричит он на бегу. — Где шофер?

— Григорий! — кричат юнкера. — Тимофеев!..

Григорий неторопливо идет к машине.

— Показывай дорогу. — Кричит Кирилл филеру, взбираясь на грузовик.

Филер быстро садится в кабину.

Григорий заводит мотор. Машина, грохоча, выезжает из ворот.

Ветер. Слякоть. Дождь.

Юнкера сидят с поднятыми воротниками, головы вжаты в плечи, винтовки между колен.

Филер:

— На Выборгскую... За Лениным едем...

— Врешь?..

Филер самодовольно усмехается:

— Выследил. От меня никто не уйдет. Налево.

Григорий сворачивает налево.

Разбрызгивая грязь и грохоча, несется вперед грузовик.

Григорий, управляя одной рукой, другой достает гаечный ключ и засовывает его под себя.

Машина вылетает на Невский.

Филер:

— Прямо.

Григорий сворачивает направо.

Филер:

— Куда?

Григорий:

— На Литейном загорожено — падо объезжать.

Филер высовывается из кабины, вглядывается в полутемный Литейный проспект.

— Врешь, гад!..

Григорий быстро достает гаечный ключ и ударяет филера по голове. Филер валится на сторону. Григорий одной рукой осаживает его на место.

Машина вильнула.

Кирилл заглядывает через окошко в кабину.

Григорий и филер сидят спокойно.

Машина мчится со страшной быстротой по Старо-Невскому проспекту. Кузов подсакивает, его бросает из стороны в сторону. Грузовик несется, воя и грохоча. Жидкая грязь взлетает из-под колес. Машина мчится все быстрее и быстрее. Мелькнули последние городские огни. Шоссе.

Кирилл и юнкера мечутся в бессильной ярости. Кирилл вытаскивает наган, стреляет в воздух. Машина про-

должает нестись. Тогда он разбивает стекло и стреляет в кабину.

Григорий отклоняется в сторону и неожиданно тормозит.

Люди в кузове падают друг на друга.

Григорий выскакивает из кабины.

Он выхватывает из кармана финку и в бешенстве втыкает ее в шину. С шумом вылетает воздух. Григорий бежит к другому колесу. Второй взрыв. Финка застревает в резине.

С наганом в руке Кирилл соскакивает на землю и подбегает к Григорию. Григорий поворачивается и неожиданно бьет его кулаком в лицо. Кирилл падает.

Юнкера набрасываются на Григория и скручивают ему руки.

— Так нет же... Нет!.. — задыхаясь, хрипит Григорий и вдруг громко кричит:

— Да здравствует Ленин!

Его голос звучит одиноко и странно в пьеле, на грязном шоссе.

Филер вдруг приходит в себя. Он медленно поднимает веки и ословело смотрит перед собой.

Кирилл, пошатываясь, утирает кровь с лица рукавом шинели.

Он поднимает упавший наган и в упор стреляет Григорию в голову.

Потом подбегает к филеру, хватая его за грудь:

— Адрес!

Филер морщит лоб, стараясь понять, о чем его спрашивают.

— Адрес... Говори адрес!..

— Сампсониевский, девяносто два... квартира четыре...

Он хватается рукой за голову, стонет.

Кирилл с юнкерами бежит по шоссе по направлению к городу.

Ильич вскакивает.

— Нет, ни минуты больше ждать не буду!

Василий:

— Владимир Ильич, надо хотя бы переодеться.

Ленин:

— Да, да. Непременно. Анна Михайловна, поскорей, пожалуйста.

Кирилин бежит по шоссе, придерживая полы шинели.
Идет дождь.

Из-за поворота показывается патруль.

Кирилин кричит:

— Стой! Стойте!

Он подбегает к первому всаднику и что-то говорит ему, схватив лошадь под уздцы.

Прапорщик сходит на землю. Кирилин вскакивает в седло, поворачивает лошадь и во весь опор мчится к городу. За ним скачут юнкера.

Цокот копыт.

Василий оглядывает Ильича с перевязанной щекой, в трепанной кепке.

Ильич:

— Не чересчур?

Анна Михайловна:

— Нет.

Василий:

— Хорошо.

Ленин:

— Пошли.

Василий проверяет револьвер и опускает его в карман пальто. Прислушивается у двери.

Тихо.

Он оставляет Ильича на лестнице и выходит один.

Человек в котелке загораживает ему дорогу, но вдруг падает от страшного удара Василия. Василий отбирает у него наган, открывает дверь, пропускает Владимира Ильича и быстро уходит с ним.

Галопом скачет Кирилин с юнкерами. Несутся по улицам. Редкие прохожие шарахаются, прижимаются к стенам домов, бросаются в подворотни.

Отряд Красной гвардии идет навстречу.

Летит Кирилин.

Свисток. Кирилин не останавливается.

Красногвардеец бросается на мостовую ему наперерез, свистит, поднимает руку.

Кирилин спихивает его с ног и пронесится дальше.

Красногвардейцы вскидывают винтовки, стреляют.
Поздно. Улица пуста.

Титр:

Последняя ночь русского капитализма была холодна.

Горят костры на площади Смольного института. Отблески пламени выхватывают из темноты затвор винтовки, ствол пулемета, суровое лицо.

Прибывают броневики, орудия. Подходят все новые отряды солдат и красногвардейцев.

На город спускается туман. Бледными пятнами пробиваются сквозь него фонари. Становится холодно.

Из мрака, грохоча и звеня, подлетает к остановке трамвай. Он пуст. Едва освещен. Задержавшись на мгновение, идет дальше.

Ленин и Василий входят на площадку вагона. Качаясь и подпрыгивая на стыках, отчаянно звеня, трамвай летит по темным улицам Петрограда.

Кондукторша стоит на ступеньках вагона, держась за поручни и всматриваясь в туман. Она молода, курноса, скуласта. Октябрьский ветер рвет с ее головы платок, закручивает вокруг ног юбку.

— Куда идет вагон? — спрашивает Ленин.

Василий дергает его за руку:

— Молчите!..

Ильич (упрямо, глаза весело поблескивают):

— Товарищ, куда вы едете?

Кондукторша озабоченно глядит в темноту:

— В парк..

Ленин:

— А почему, ведь еще рано?

Кондукторша:

— «Куда», «почему», — ты, что, с луны свалился, — не знаешь, что мы идем сегодня буржуев бить?..

Угол Боткинской и Нижегородской.

Ильич и Василий сходят.

Вагон исчезает в темноте.

Сквозь туман пробиваются огни Литейного моста. Другого берега не видно. Мост фантастически исчезает в нескольких шагах.

На мосту группа солдат и красноармейцев.

Ругань, крики.

Солдат (старается пробиться к будке):

— Приказано развести мост... слышь ты?

Красногвардеец (загораживает дорогу):

— Не бывать этому!..

Второй солдат:

— А ты кто такой?

Красногвардеец:

— Начальник.

Солдат:

— Чего?

Красногвардеец:

— Всего.

Второй красногвардеец (солдатам):

— Хороши лычки (передразнивает)... «приказано», а у самого у тебя котелок-то есть? Эх, ты, орудие капитала...

Перед мостом Василий замедляет шаги.

Красногвардеец:

— Дуйте, дуйте, ребята! Мост не разводится, хоть всю ночь гуляйте.

Ленин улыбается, идет быстрее.

Изредка доносятся выстрелы.

Длинная пустая улица.

Быстро идут Ленин и Василий.

Издали возникает цокот копыт.

По улице мчится отряд.

Василий:

— Юнкера!

Кавалькада проскакивает мимо них, но вдруг останавливается.

Василий (шопотом):

— Идите вперед..

Кирилин оглядывается, поворачивает лошадь и подъезжает к Василию.

— Кто такой?

Василий останавливается. Рука сжимает в кармане наган. Ильич не спеша идет дальше.

Василий:

— Эх, барин, лошадка хороша. (Икнул, пошатнулся.)

Кирилин:

— Сволочь пьяная... (поворачивает лошадь.)

Юнкер:

— Господин офицер, там еще второй пошел..

Кирилин смотрит вслед Ильичу и вдруг круто поворачивает коня. Тогда Василий бросается на мостовую под ноги лошади и хватает ее под уздцы.

Кирилин, пытаясь вырваться, яростно дергает повод. Лошадь подымается на дыбы.

Василий всем телом с железной силой сдерживает коня. Он хватает Кирилина за шинель, тащит вниз.

Кирилин наотмашь бьет его плеткой по лицу.

За углом раздается стрельба.

Кирилин поворачивает коня. Поскакал.

Юнкера несутся следом за ним.

Василий стоит, закрывая рукой щеку.

Ильич быстро подходит к нему:

— Товарищ Василий, дорогой... Они вас ударили? Шваль этакая, негодяи!..

Он берет Василия за руку.

У колонн Смольного бушует толпа.

— Как мы пройдем? — шопотом спрашивает Ильич.

Держа Ленина за руку, как ребенка, огромный, светлоголовый, без шапки, Василий проталкивается к центру толпы.

— Братцы! — кричит он, — почему нас не пускают? Не старый режим..

— Почему не пускают? — подхватывают вокруг.

— Мы делегаты! — кричит Василий. — Даемь дорогу!

Толпа:

Жми! Дави! Пускай делегатов!

Ильич смеется. Тоже напирает плечом, кричит:

— Наша берет!

— Наша берет! — кричат вокруг.

Красногвардейцы с трудом сдерживают натиск.

— Товарищи, товарищи... не волынтьте, товарищи...

Василий кричит:

— Мы делегаты... Пускай... Не задерживай...

— Наша берет!

Прорывают цепь охраняющих, врываются в Смольный.

— Где только наша не берет? — смеясь, говорит Ильич.

Смольный.

Возбужденные толпы снуют по коридорам. Ленин и Василий попадают в водоворот разгоряченных лиц. Их несет человеческий поток вверх по лестнице, от одной двери к другой.

Наконец Ильич садится в коридоре на подоконник.

— Я буду ждать здесь. Найдите мне Сталина.

Василий успевает только кивнуть головой, — его уносит человеческая волна.

Так он сидит, Ильич, на подоконнике, в коридоре Смольного института, поздно вечером двадцать четвертого октября. Толпа бурлит вокруг него. Рабочие, солдаты, красногвардейцы. Вот проходит старик в рваных крестьянских лаптях. Вот идут матросы сомкнутой плотной группой.

Гудящий человеческий поток катится мимо него. Возбужденные, разгоряченные лица. Ярким, острым взглядом всматривается Ильич в лицо революционного народа.

— Слышь, товарищ...

Рядом с Ильичом сидит молодой крестьянин в рваной солдатской шинели:

— Слышь, товарищ, — ты Ленина не видал?

Ленин:

— Нет, не видал. А что?

Крестьянин (доверительно):

— Говорят, он здесь.

Ленин:

— Очень возможная вещь.

Крестьянин:

— Посмотреть охота.

Ленин:

— Да?

Крестьянин:

— А то мы там поспорили с мироедами. Они говорят — рыжий да рябой. А я думаю — не может быть. Я думаю — он такой головастый, большой... представительный мужчина...

Ленин:

— Да? Ничего определенного вам сказать не могу.

Крестьянин (с сожалением смотрит на него):

— Ну, да... не видал?

Ленин:

— Не видал.

К Ильичу вместе с Василием быстро подходит Сталин. Он пробивается сквозь толпу и берет Ильича за руки. Раздвоенное объятие, смотрят они друг другу в глаза.

Короткое, незабываемое молчание.

Крестьянин вглядывается в Василия и вдруг вскакивает:

— Василий Михайлович!

Василий:

— Петька! Из деревни?.. — вдруг опомнившись, он быстро поворачивается и уходит за Ильичом и Сталиным, крикнув на ходу:

— Некогда мне, прощай покуда.

— Ленина не видал? — кричит ему вслед парень.

Василий:

— Здесь.

— Где?

Василий:

— А вон! — Он указывает в противоположную сторону.

Парень жадно:

— Где?

Титр:

И ленинский план вооруженного восстания начал осуществляться.

В мечущемся свете костров из-под арки Смольного проносятся автомобили, пехота и конные делегаты спешат к своим частям.

Титр:

По приказу Военно-революционного комитета...

Настежь распахиваются ворота бронедивизиона. С ревом и грохотом выезжают броневики. Все люки закрыты. Стволы пулеметов торчат из башен.

Титр:

По приказу Военно-революционного комитета...

Двинулись солдаты, загремело по мостовой орудие, застучали подковы лошадей.

Выступает рота за ротой, полк за полком.

У проходной завода строятся красногвардейцы.

— Становись!..

Тусклые фонари мотаются на ветру над воротами. Ухнул где-то выстрел, ответил далекий пулемет.

Грохоча и сигналиа, подъезжает броневик.

Матвеев поднимается на броневик. Наступает тишина.

— Товарищи!.. готовы?

— Готовы, — громыкает в ответ.

Матвеев снимает картуз:

— «Вставай проклятьем заклейменный!..»

— «Весь мир голодных и рабов», — подхватывают все п, вскидывая на плечо винтовки, начинают двигаться; броневик идет вместе с красногвардейцами.

Гремит «ура».

Голоса сразу удаляются. Мы видим, как двинулся другой, третий отряд красногвардейцев.

— «...Это будет последний!..» — слышится совсем далеко.

Грозно вырисовываются силуэты кораблей на ночном небе. Рожок играет сбор. Матросы сгрудились на верхней палубе.

Сотни глаз устремлены на оратора.

Немолодой матрос стоит на баке, держа в руке винтовку.

— Товарищ! — говорит он, и черная масса бушлатов становится неподвижной.

Октябрьский ветер рвет полы его бушлата. Октябрьский ветер ревет в вантах за его спиной. Далеко где-то поют «Интернационал».

— Товарищи, мы идем оружием сбросить власть капитала, мы идем творить социальную революцию. Нам на долю вы-

пало счастье осуществить мечты всех угнетенных. Да здравствует власть Советов! Да здравствует Ленин!

Тишина. Ни криков, ни рукоплесканий. Молча люди бросаются в объятия друг друга. На лицах слезы. Где-то далеко слышится:

— «...Лишь мы, работники всемирной великой армии труда...»

Карта Петрограда. Очень далеким фоном слышится «Интернационал». Из города доносится стрельба. На карте Питера карандаш делает пометки. Жирными кружками окаймляет мосты.

У стола: Ленин, Сталин, Свердлов, Дзержинский.

Титр:

По приказу Военно-революционного комитета...

Выступает Красная гвардия. Выступают солдаты. Двигаются моряки. Поднимается вооруженный народ. Слышатся первые выстрелы. Идут корабли к Петрограду.

Смольный. Комната Военно-революционного комитета. Держа в руке листок, исписанный стремительным ленинским почерком, человек в военной шинели диктует машинистке:

— Декрет о земле...

За окном ухают выстрелы.

— Помещичья собственность на землю отменяется немедленно и без всякого выкупа...

Василий вертит трубку телефона:

— Станция... Станция... Станция...

— Помещичьи именья, — слышится голос диктующего, — со всем их живым и мертвым инвентарем...

— Станция... станция... Фу, чорт, станция!..

Василий крутит ручку, бьет по рычагу.

Телефонная станция.

Стрельба. С визгом разбегаются телефонистки. Юнкера отстреливаются, бегут.

— Станция. Станция. Город!
Рутковский бросает трубку, срывает другую:
— Город! Станция! Станция!
Вокруг него министры Временного правительства. Окна в зале Зимнего дворца закрыты шторами.
— Станция! станция!

Василий стучит по рычагу:

— Станция! Барышня (услышал ответ)... Станция?!!

Стрельба. Телефонная станция.

У коммутатора, запутавшись в бесчисленных шнурах, с наганом в руке, в наушниках, сидит Матвеев. Он кричит в рупор:

— Я тут не знаю, куда тут чего втыкать, а барышни все в обмороке валяются... в об-мо-ро-ке!..

Василий поворачивается к Ильичу:

— Владимир Ильич! Телефонная станция наша! (В трубку.) Слышь, станция! Давай Балтийский экипаж. Один-восемь-три. Ленин будет говорить.

Матвеев беспомощно вертит контакт, оглядывается:

— Погоди, — говорит он в трубку: — тут одна вроде отходит...

Он снимает наушники и выволакивает из-за коммутатора телефонную барышню. Барышня рыдает. Матвеев усаживает ее на стул, гладит, успокаивает.

Варыв.

Матвеев:

— Слушайте, барышня, ну, успокойтесь! Милая, успокойтесь, барышня. Ну, милая... Соедините с Балтийским экипажем...

Барышня, продолжая всхлипывать, берет контакт.

Из-за коммутатора выбегает юнкер.

Матвеев стреляет. Юнкер падает.

— Ой!..

Барышня в обмороке откидывается на спинку стула. Матвеев обнимает ее, усаживает.

— Только тихо... тихо, тихо... ничего страшного нет. (Гладит барышнину голбу рукой, в которой зажат наган. Барышня приходит в себя.) Ну, успокойтесь, соедините меня с Балтийским экипажем. (Заметил, что-то в глубине зала.) Скорее! Один-восемь-три. Скорей, скорей, соединяйте. (Прячется за коммутатор.) Скорей, скорей!

Барышня соединила: — Готово!..

Из-за коммутатора, стреляя на ходу, выбегает офицер. Матвеев убивает его.

— Ой!.. — барышня снова валится без чувств.

— Станция! станция!.. — пытается еще соединиться Рутковский. — Станция!.. — он бросает трубку.

Малянтович заклеивает конверт и передает Рутковскому. Рутковский:

— Поручик!..

К Рутковскому подбегает молодой офицер.

— Возьмите этот пакет. Пробейтесь в город. Передайте в посольство. Что бы с вами ни случилось, этого никто не должен прочесть. Поняли?

— Слушаю.

Поручик уходит. Рутковский поворачивается ко второму офицеру:

— Вы отправитесь в Гатчину...

— Каким путем?

— Любим! Добирайтесь, как хотите. Сообщите Керенскому, что мы продержимся до утра. Пусть торопится. К утру войска должны быть здесь. Идите.

В комнату вбегает Кирилин. Его шинель разорвана. Лицо в грязи.

— Опоздал! — кричит ему Рутковский. — Идите защищать дворец к Пальчинскому.

Из ворот Зимнего выкатывают орудия. За дровяной баррикадой прячутся юнкера.

Дворец готовится к обороне.

Смольный.

К Ильичу подбегает Дзержинский:

— Владимир Ильич, Николаевский вокзал взят!

Ильич быстро оборачивается:

— Дворец, дворец! Почему до сих пор не взят Зимний дворец? Торопитесь!

Оглушительный выстрел «Авроры».

Из-под арки генерального штаба ринулись на Зимний красногвардейцы.

Ураганным огнем встречает дворец атакующих.

Орудия бьют прямой наводкой. Пулеметы строчат из-за деревянных баррикад.

Кирилин, во главе юнкеров, бросается в контр-атаку.

Бой на баррикадах.

На площадь врываются моряки Балтфлота. Они несутся в атаку со штыками наперевес.

Шаг за шагом, ломая отчаянное сопротивление врагов, красногвардейцы продвигаются вперед.

Последняя твердыня русского капитализма — Зимний дворец — с волчьей злобой защищает каждую ступеньку лестницы, каждую дверь.

Смольный.

Василий подходит к Ильичу:

— Владимир Ильич, пора!

Ильич встает. Кто-то протягивает ему парик:

— Не бросайте, Владимир Ильич, может, еще пригодятся.

Ильич:

— Нет, батенька, большевикам в России прятаться больше не придется... Власть мы берем всерьез и надолго. Пойдемте!..

К Ильичу пробивается запыхавшийся красногвардеец.

Ильич живо оборачивается к нему:

— Ну, как, достали еще винтовки?

— На Сестрорецком заводе... семь тысяч нашли, — отдуваясь, говорит красногвардеец.

Ильич:

— Чудесно! Верите. И скорее, скорее, товарищи!

Красногвардеец:

— Только они не готовы... ложа не полированы...

Ильич:

— Ничего! В борьбе отполируем.

Бой в коридорах Зимнего дворца.

Юнкера отстреливаются из-за колонн.

Матвеев прорывается вперед и сталкивается лицом к лицу с Кирилиным. Короткая борьба.

Матвеев стреляет. Кирилин падает.

В коридор вливаются красногвардейцы. Они лавиной движутся за Матвеевым, сметая последнее сопротивление. Врываются в Овальный зал дворца. Министры медленно встают со своих мест.

Матвеев:

— Именем Военно-революционного комитета... Тихо, товарищи, тихо! (Он останавливает красногвардейцев, которые окружили министров.) Именем Военно-революционного комитета объявляю ваше Временное правительство арестованным. Спокойно, граждане, ничего страшного нет. Происходит пролетарская революция.

Ильич в сопровождении товарищей выходит в коридор Смольного.

Крик:

— Ильич!

Люди бросаются к Ленину:

— Ленин!

— Владимир Ильич!

— Ильич!

— Ильич!

Железной живой цепью окружают Ленина и Сталина Василий, красногвардейцы и матросы; держась за руки, они идут по коридору, сдерживая бушующий людской поток.

Ильич, Сталин и Дзержинский идут по коридорам Смольного.

Людская волна рокочет за ними.

Грохот «ура» несется по Смольному и врывается в актывый зал.

Открывается дверь.

Кажется, что произошла катастрофа.

— Ленин! Ленин! Ильич! — кричит, стоя, весь зал.

Кричат неистово, страстно. Это крик победы. Люди плачут, кричат, аплодируют. Люди в солдатских шинелях, бушлатах, в рабочих ватниках.

— Кто это? Кто это? Кто? — спрашивает какой-то паренек.

Ему никто не отвечает.

— Ильич! Ленин! Ура! — гремит зал.

Часть президиума — меньшевистские и эсеровские лидеры — встает и демонстративно уходит.

Вбегает мокрый, потный, в сбившейся на затылок папахе, с винтовкой за плечами, крестьянин. Расталкивая всех локтями, он пробивается вперед, совсем вперед, к самой трибуне и останавливается, впившись жадным взглядом в Ленина.

Он смотрит на Ильича долго, пытаясь разглядеть, какой же, какой он — Ленин. И потом вдруг восторженно кричит:

— Обыкновенный!

Кажется, никогда не смолкнет эта овация. Ильич еще несколько раз поднимает руку, но ему не дают говорить.

Зал продолжает бушевать. За окнами ухают выстрелы.

Ильич улыбается. Рядом с ним мы видим Сталина.

Ильич подходит к краю трибуны.

Зал замолкает.

— Товарищи! — говорит Ильич, выбрасывая вперед правую руку, — рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!

К о н е ц

Редактор *Б. Воронов*
Обложка и технич. редакция —
В. Сутин
Корректор *О. Гурок*

Сдано в произв. 4/XII 1937 г.
Подписан к печати 25/XII 1937 г.
„Искусство“ № 638. Инд. К-д.
Форм. бум. 82×110 ^{1/2}/₂ 3¹/₄. Ш.л.
Уч. авт. л. 3¹/₂. Тираж 5 000 экз.
Уп. Главлита № Б-31567
Заказ 3745

Тип. гос. изд-ва „Искусство“
„Красный печатник“, Москва,
ул. 26 Октября, 5

Гр. 25 к